

"И все же, я бы простили..."

Интервью с Евгением МАРТИМОНОВЫМ

Из приговора:

"Мартимонов Евгений Яковлевич с марта 1967 года по июль 1969 года с целью подрыва Советской власти занимался организационной антисоветской деятельностью.

В марте 1967 года по предварительной договоренности с Вудкой Ю., Грилюсом, Заславским, Фроловым участвовал в сбое на даче своих родителей в поселке Даши гор. Рязани, где сорганизовался с названными лицами в антисоветскую группу с целью проведения деятельности, направленной на подрыв Советской власти. Обсуждал вопросы вовлечения в свою группу новых лиц с соблюдением конспирации.

В июне 1967 года согласился с намерением Вудки Ю. написать антисоветский документ и изыскать возможности для его размножения.

Осенью 1967 года совместно с Заславским, Вудкой Ю., Грилюсом, Фроловым с участием Красик тогда же и зимой 1967-1968 г. переписал написанный Вудкой Ю. антисоветский программный "трактат" "Закат капитала" и изготовил фотоспособом четырнадцать экземпляров "Заката капитала". В 1968 году, ознакомившись с написанными Вудкой Ю. статьями антисоветского содержания "Трубы свободы" ("Дероор"), "Современная интеллигенция и революция", "Внешняя политика советского империализма", "Современность и национальный вопрос", "Образование и надстройка", "О патриотизме", "Идеологическая работа и психология", "Об идеологической работе", "О безработице", одобрил их содержание и с участием Вудки Ю., Фролова, Вудки В., Заславского и привлеченного к антисоветской деятельности Владимирова изготовил фотоспособом по 8 экземпляров каждой статьи и по 5 (пять) экземпляров статей "Марксизм и колдуны", "Правда о современности" и "Послесловие к "Закату капитала".

В конце 1968 года совместно с Вудкой Ю., Заславским и Вудкой В. изготовил фотонегативы названных антисоветских документов и вместе с Вудкой Ю. передал их в г. Рязани Грилюсу.

В 1968-69 годах ознакомился и одобрил содержание написанных Вудкой Ю. антисоветских статей "Что впереди?" и начинающейся словами "Российское еврейство...", участвовал в написании Вудкой ответа на "рецензию" на "Закат капитала".

В 1968-69 годах периодически хранил у себя указанную антисоветскую литературу, участвовал в начале 1968 года в организованном Вудкой Ю. сбое, на котором он проверял знания участниками группы положений "Заката капитала". В целях проведения массовой антисоветской агитации вел подготовительную работу по изготовлению и распространению листовок в городе Рязани и других городах СССР.

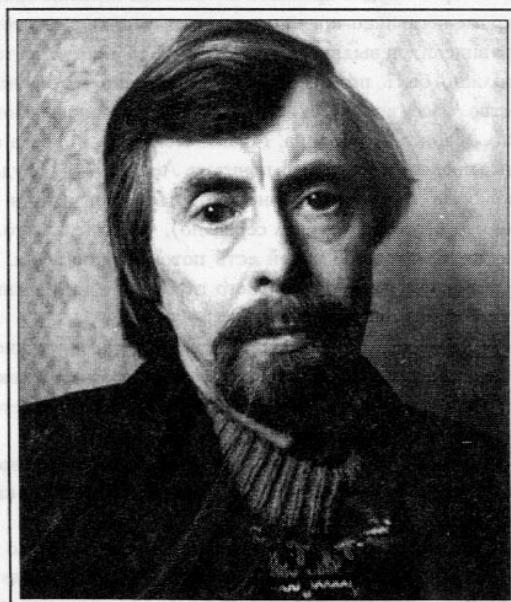
В 1968 году вместе с Заславским и Фроловым делал попытки изготовить клише для печатания листовок, приобрел через Баранову химические реактивы, просил Артамонову приобрести типографский шрифт или

набрать тексты в типографии. Совместно с Заславским изготовили и проверил в действии модель приспособления для разбрасывания листовок. Сего согласия весной 1967 года Фролов и Заславский обрабатывали в антисоветском духе Лоскутова и Красик, в 1967-69 годах в целях вовлечения в антисоветскую деятельность обсуждал с Заславским и Фроловым кандидатуры Ягмура, Рыбака, Натанзона, Черняевского. С этой же целью в 1967-68 годах обрабатывал Авакова и Козлова, высказывал Барановой и Артамоновой свои убеждения в необходимости свержения существующего в СССР государственного и общественного строя, клеветал на советскую действительность. Осенью 1968 года по поручению Вудки Ю. изготовил фотонегатив антисоветской статьи "Правда о современности", который с его согласия Вудка Ю. передал в г. Москве подданному Голландии.

В июне 1969 года с его же согласия Вудка Ю. передал фотокопию "Заката капитала" гражданину ЧССР Ледницкому, проживающему в г. Дубне Московской области, а в июле 1969 г. по поручению Вудки Ю. выезжал в г. Дубну и выяснил, что Ледницкий переправил указанную фотокопию в ЧССР. Участвовал в обсуждении написанных Фроловым "Правил" о порядке вербовки новых членов, хранения нелегальной литературы, проведения сбоев и соблюдения конспирации.

Евгений Мартимонов был осужден Рязанским областным судом в феврале 1970 г. на 3 года условно и 5 лет испытательного срока.

(См. материалы о "деле Вудки" в "Карте" № 7-8).

Евгений Мартимонов. 1997 год.
ФОТО С. РОМАНОВА

С Евгением Мартимоновым беседует Сергей Романов.

— Евгений Яковлевич, расскажите, пожалуйста, откуда Вы родом, из какой семьи, где жили и учились до института?

— Родился я в Выборге, это Ленинградская область. Отец — военнослужащий, связист. Жил в Таллине, Ленинграде, потом в Рязани. С 12 лет, то есть с пятого класса, я чисто рязанский житель.

— А кто Ваша мама?

— С мамой вопрос более интересный. Она по национальности эстонка. В свое время жила в Ленинграде. В 39-м, после ввода войск в Прибалтику, оказалась в Эстонии. (Там, как раз, она и познакомилась с отцом). Мама занимала достаточно высокие посты по партийной линии. Точнее — она работала в ЦК КПСС Эстонии. Однако, когда отца перевели в Ленинград, она уехала с ним. В 48-м появился я — поздний ребенок. Потом отец демобилизовался и семья переехала в Рязань. Здесь ни мама, ни отец никаких постов не занимали. Он был пенсионером, а она работала в отделе кадров какого-то маленько предпринятия.

— В Рязанский радиотехнический Вы поступили...

— В 1965 году, на отделение электроники.

— Позвольте "прокурорский" вопрос, Евгений Яковлевич. Как и когда Вы познакомились с Юрием Вудкой?

— С Вудкой я познакомился через Олега Фролова. А с Олегом у меня знакомство со школьных времен через Семена Заславского. С ним мы дружили и учiliлись вместе в начальной школе. Когда Семен перешел в школу № 5, (а я — в 6-ю), там он сблизился с Олегом, ну а поскольку мы с Семеном продолжали дружить, Олег вошел и в мою жизнь. У нас была хорошая, тесно сплоченная компания.

— А Вы не помните, что послужило поводом для знакомства с Юрием?

— Общие интересы. В те времена "на кухнях" говорили совершенно откровенно. Люди с общими взглядами сближались очень быстро... Вудка произвел на меня впечатление сразу тем, что, кроме негативно-критического осмысления всего того, что мы все видели, он выдвигал идеи. То есть он предлагал теорию, как должно быть правильно, по его мнению, устроено наше общество. Все критические труды Вудки основываются на работах Маркса — Ленина. Практически все. И когда он мне впервые посоветовал всерьез почитать Ленина — "Государство и революция" (кстати, все знают про эту книгу, но я гарантировую, что мало кто ее читал серьезно), — я сделал это. Было крайне интересно, ибо в ней есть потрясающие вещи. Вообще, в марксизме есть очень много глубоких и интересных вещей.

И вот когда мы хорошо почитали марксистские первоисточники, особенно хорошо стало ясно, что все нас окружающее мироустройство никоим образом не соответствует заявленным идеалам социализма.

— Евгений Яковлевич, вот так прямо с Маркса и Ленина все и началось, или вначале были какие-то проверочные разговоры?

— Нет, никаких проверочных разговоров. Все было как-то очень естественно. В начальный период вообще не создавалось даже впечатления, что мы занимаемся чем-то "криминальным". Это были просто общие разговоры о жизни, с привлечением Маркса.

Впоследствии же — и это, наверное, общий момент для людей того возраста, в котором были мы, — когда хочешь из желаемого сделать действительное, то есть, когда нужно перейти к каким-то действиям, человек, особенно, подчеркиваю, молодой, непременно хочет ускорить эти действия. И вот тогда-то обычно и делаются непродуманные шаги, которые позволяют государству квалифицировать их как преступление...

В принципе, наша деятельность была чисто теоретической. Никаких явных действий, кроме распространения работ Вудки, не было.

— Вы знаете, для КГБ как раз та группа считалась серьезной, у которой имелись собственные теоретические материалы. Даже если бы вы их вовсе не распространяли, сам факт наличия тридцати написанных статей и трактата на "антисоветские" темы для них был экстраординарным. Ваша группа была для чекистов сущим "даром божиим". Ведь это был такой козырь в их постоянной жизни-борьбе за собственную значимость и необходимость.

Евгений Яковлевич, где же вы занимались своей деятельностью, где собирались?

— В разных местах. В общежитии РРТИ, у Вудок на квартире. Иногда у меня. Мест было много.

— Соблюдали ли вы при этом конспиративные правила?

— Только в том смысле, что мы старались не афишировать свои разговоры. То есть не вели их прилюдно. Ну и конечно, когда пробовали делать ротатор, тоже помалкивали. Правда, с ротатором у нас ничего не вышло.

— Евгений Яковлевич, в деле есть эпизод о том, что вы с Сениным предложили размножение на какой-то фольге. Это связано с ротатором?

— Нет. Это мы как раз искали другой способ. Он, в общем-то, известен: на фольгированную пластину фототехнически печатается текст, затем пластина травится в кислоте. Возникает рельефное изображение. Буковки у нас получались хорошо, а печать на бумаге не пошла. Видимо, это уже было связано со свойствами красок и прочими полиграфическими тонкостями.

— Значит, никаких особых меток, знаков, сигналов опасности?

Рязанский радиотехнический институт (РРТИ).
ФОТО С. РОМАНОВА

— Единственное, что у нас было, это условный знак на квартире у Вудок, когда можно и когда нельзя заходить.

— *А как Вы думаете, за вами была слежка?*

— Если она и велась, то, видимо, достаточно профессионально. Мы никакой слежки не замечали.

— *Евгений Яковлевич, не припомните, сколь скоро, после начала знакомства и общения, Вы взяли в руки главный теоретический документ группы — трактат (так в уголовном деле — прим. ред.) Юрия Вудки "Закат капитала"?*

— Практически сразу, как только он был написан. Это была базовая вещь, где ставились все точки над "и". Произошло это в 1968 году, где-то в начале.

— *То есть Вы прочитали его труд, и после этого в Вас окрепло внутреннее убеждение, что вы делаете правильное и общественно важное дело и ...*

— Нет, не то чтобы окрепло некое убеждение. Просто появилось чувство большего понимания того, что творится. Так будет точнее.

— *У ваших саратовских коллег-подпольщиков в воспоминаниях есть упоминание о том, что Вы являетесь автором брошюры о методах ведения партизанской войны в городе.*

— Брошюры, как таковой, не было. Об этом были просто разговоры. Я разрабатывал эту тему, читал кое-какую литературу. Но реально, на бумаге, ничего не воплотил.

— *Евгений Яковлевич, в деле фигурирует листовка, которая была написана в 68-м по поводу событий в Чехословакии. Судя по тому, что ее изъяли при обыске, тираж был реально сделан. Вы принимали в этом участие?*

— Вы знаете, конкретно не могу вспомнить. Скорее всего, должен был принимать. Хотя бы в переписке. Ведь до покупки машинки мы размножали документы вручную. Так что и я, наверняка, принимал участие, но подробности, убей Бог, не могу припомнить.

— *Говорят, вы ходили сдавать кровь, чтобы на эти деньги осуществлять свою деятельность?*

— Было такое. И вагоны разгружали тоже.

— *Ну, вагоны — это вагоны, а кровь сдавать, все-таки...*

— Ну, господи, в молодости это не проблема. Это даже полезно для организма — обновление крови. Несколько раз мы, действительно, сдавали, но все же, в основном, подрабатывали другими способами.

— *Сколько же из заработанного вы отдавали на общее дело?*

— Сколько зарабатывали — все уходило. Купили машинку, фотоаппаратуру кой-какую. Поездки в Саратов, в Дубну...

— *Второй раз в Дубну, к чеху Рихарду ездили, кажется. Вы?*

— Да, ездил. Посылали меня специально за ответом. Мы ведь передавали через него в Чехословакию "Закат капитала". К сожалению, никакого разговора не состоялось. У меня сложилось впечатление, что с его стороны никакого интереса к нашей работе не было. По-видимому, мы просто клюнули на национальность: вторжение в Чехословакию и т.д. Весь разговор с Рихардом занял буквально пять минут. Потом он мне предложил сыграть в баскетбол и ушел. А я поехал домой.

— *Знали Вы о деятельности Олега Сенина в Саратове?*

— Знал очень немного. Мы старались как можно меньше знать лишнего. Это первое правило конспирации соблюдалось достаточно четко. Кроме всего прочего, у нас были сложившиеся микрогруппы: я, Заславский, Фролов. У Вудки же и Сенина — другой круг. С Сениным я почти не встречался. И с Юрием тоже не был особенно близок.

— *И все-таки, Евгений Яковлевич, вспомните, пожалуйста, каким человеком был Юрий?*

— Он был, несомненно, умен. Не думаю, чтобы обладал особой добротой. Отличался упорством. В остальном — обычный, нормальный человек. Обычный сверстник, разве что постарше, поумнее...

Правда, есть тут еще один момент, который бы я хотел затронуть, момент — национальный. Юрий (и Грилюс, кстати, тоже) был очень националистичен. Все его рассуждения и действия, так или иначе, либо исходили из национального вопроса, либо приходили к нему. Насколько я помню из рассказов Юры, им там на Украине досталось. (А Грилюсу — в Литве). Жизнь их заставила смотреть на все через национальную призму. В отличие, скажем, от Заславского и Фролова. В их взглядах и мировоззрении националистическое просто-таки полностью отсутствовало.

— *А как у него было с лидерскими качествами?*

— Если вы имеете в виду авторитаризм или диктаторские черты, то даже и намека не было. Никакого! Лидером он был, что называется, естественным, потому что больше знал и был чуть старше.

— *Так или иначе, он был лидером группы. И именно на Вас он хотел возложить свои полномочия, когда принял решение уехать в Черновцы и оставить организацию, так?*

— Да, было такое.

— *А как это происходило, эта передача полномочий?*

— Юрий назначил мне встречу. Разговор был такой, что кому-то надо вести связи и прочее, и передал кое-какие адреса.

— *То есть предварительно он Вас не готовил?*

— Нет. Я помню, что сам его отъезд был довольно внезапным. Все как-то очень быстро происходило. Видимо, он получил какую-нибудь информацию о том, что в Черновцы может прийти вызов из Израиля, поэтому все и было так спешно. И все это произошло буквально в течение двух дней: встреча, передача, вызов в КГБ, аресты.

— *Значит, никаких собраний группы по поводу смены руководства не было?*

— Нет, нет. У нас ведь была очень небольшая группа, чтобы проводить собрания.

— *Насколько я знаю, вы ставили перед собой задачу расширять организацию. Вы, лично, занимались такой работой?*

— Да, организация расширялась. Но слава Богу, что об этом расширении никто так и не узнал.

— *Я правильно понимаю, что каждый член группы самостоятельно искал единомышленников, вводил их в курс дела, знакомил с литературой и так далее?*

— Да, я знаю, что очень многие были ознакомлены с нашей литературой. Но нам удалось так сделать, чтобы об этом на следствии никто ничего не узнал.

— Но ведь на суде по делу проходило довольно много свидетелей.

— Из тех, кто знакомился с литературой, кого мы готовили, практически никто не проходил. Свидетелями были, в основном, люди, которые являлись нашими бытовыми знакомыми. Раз знакомый, значит, искали подтверждений — были ли когда-либо разговоры на интересующую следствие тему. Методика стандартная.

— В публикации о вашей группе ("Карта" № 7-8) мы писали о Евгении Владимирове ("Кто слышал "Трубы свободы") и о его исковерканной судьбе. Вы знали его? Считали членом своей группы?

— Женю я знал хорошо. Что касается членства, то он был очень близок к нам и мы считали его своим. У него в общежитии мы часто встречались. На следствии нам удалось сделать так, чтобы он не "всплыл", и он прошел по делу свидетелем. Вообще говоря, о многих причастных людях даже никто и не узнал.

— Но ведь после суда по институту прокатилась волна административных репрессий. Людей исключали даже с последних курсов. Многие получили комсомольские и партийные взыскания.

— Это была уже чисто рефлекторная реакция тоталитарных чиновников на событие. Начальство проявляло рвение, дабы защитить свои кресла.

— Итак, ваша группа дошла в своем саморазвитии до момента провала. В дело вступило государство, чтобы покарать инакомыслящих и преподать урок остальным. Вспомните, пожалуйста, это время.

— Я был на встрече с Вудкой. На следующий день, 24 июля, ко мне домой приехал человек, один, представился, что из КГБ, и пригласил проехать с ним в управление. Перед этим был звонок — дома ли я. Обыска в этот день не делали.

— Да? А негласный?

— Тоже. Мама была все время дома.

Когда мы приехали туда, сначала со мной весьма долго беседовал начальник управления полковник Маркелов, а потом следователь из группы майора Сконникова — старший лейтенант (впоследствии капитан) Маас. Запомнился мне в этот день такой момент. После беседы с Маркеловым, почти уже на выходе, Сконников задал такой вопрос, тогда для меня ничего не значивший: "Как ему будем писать? Явку с повинной?" Маркелов подумал и сказал: "Пожалуй, объяснительную".

В этот день я узнал, по крайней мере, мне так сказали, что Олег Сенин и Юрий Вудка уже находятся под следствием. Был мне предъявлен и рукописный оригинал "Заката капитала" — тетрадочка. Ну вот, пожалуй, и все, что особенно запомнилось. После этого я узнал у Заславского, что его "приглашали" туда на день раньше, чем меня — 23 июля.

— Евгений Яковлевич, вот Вас привезли, побеседовали. Ваши ответы зафиксировали как "объяснительную" и ... отпустили?

— Да, отпустили. При всех разговорах с их стороны была безупречная вежливость и корректность. Что было, то было.

— И Вы пришли домой и встретились с Заславским?

— Ну что вы, разумеется, нет! Было ясно, что телефон на прослушивании, и вообще конспирация не позволяет так делать. Просто у нас был "пункт связи", и я им воспользовался. И узнал, что Семен действительно уже побывал там. Но сейчас

я ничего не хочу об этом говорить — я имею в виду "пункт связи", — это касается другого человека, о котором никто ничего не знает.

— Хорошо. Значит, Вас не арестовывали?

— Нет. В камере я не сидел ни минуты. После первой беседы меня "пригласили" прийти с паспортом на следующий день. И в течение почти полугода, ежедневно, с 9 ноль-ноль до 17 ноль-ноль я приходил в КГБ, как на работу. Показывал внизу паспорт, получал пропуск, поднимался к следователю и начинались разговоры...

Работали они по очень четкой системе. К каждому эпизоду возвращались по 10-15 раз. Все это протоколировалось, потом анализировалось, так что любое выскочившее слово, хоть через десять дней, но к тебе возвращалось и становилось в строку. И все это на фоне постоянного психологического давления при абсолютной внешней вежливости. Поверьте, когда умудренный опытом, поднаторевший дядя — а то и двое — на тебя давят, в 20 лет — это очень тяжело... Мне еще повезло, "мой" Маас, ведя допросы, выполнял свою работу самым обычным, рутинным образом. А вот у Заславского — я не помню фамилии его следователя, — тот все делал со рвением.

— Ну что ж, тоже люди живые...

— Вот именно... Запомнилось также, что за все следствие у меня не было ни одной очной ставки. Здесь же, я имею виду на следствии, я узнал о деятельности Александра Учителя (см. "Рязань — Саратов — Петрозаводск", "Карта" № 7-8 — прим. ред.). До этого я только видел его — мы жили в одном доме на улице Дзержинского. Но знаком я с ним не был. Когда Вудка передал мне дела, среди них был и адрес Учителя.

Я вам уже говорил, что в первый день, когда меня везли в КГБ, обыска не было. А приедя оттуда, я уничтожил записную книжку, где были адреса, которые мне оставил Юрий.

— Это что же, они прошляпили?

— Дело в том, что у меня было две книжки. Одна — обычная, и когда я в то утро понял, куда меня собираются везти, то достал ее из кармана и хотел оставить. Но этот самый заставил взять с собой, а в управлении ее отобрали.

— Значит, Вам удалось уничтожить книжку с адресами и телефонами тех людей, которых вы готовили в группу и которые потом не "всплывали"?

Здание управления ФСБ (КГБ) по Рязанской области.
ФОТО С. РОМАНОВА

— Да.

— Наверное, они Вас и поддерживали потом? Так я понимаю?

— Во всяком случае, некоторые говорили спасибо.

— Евгений Яковлевич, значит, в течение всего времени, пока шло следствие, Вы не контактировали с Заславским?

— Нет, почему же... Через некоторое время мы с ним стали довольно часто видеться. Ведь до суда мы продолжали учиться, а учились мы с ним в одной группе.

— Суд состоялся...

— В феврале 1970 года. Мы с Семеном получили по 3 года условно и по 5 лет испытательного срока. Одинаково.

— Евгений Яковлевич, а что Вы помните о суде? Какая была атмосфера? Кто сидел в зале? Как вообще все происходило? Ведь процесс подобного рода в Рязани проходил впервые и шуму в городе, а в РРТИ особенно, было много.

— Больше всех мне запомнился прокурор. Мне было его жалко. Это был, по-видимому, очень порядочный человек, фамилия его Дубцов. Потом — из разных источников — это впечатление подтвердилось.

Адвокатов на суде не было...

— Как не было?

— Нет, физически они, конечно, существовали, но единственное, о чем они сказали в суде, так это о том, какие мы были хорошие до этого. То есть зачитали наши институтские характеристики. И больше никакой защиты не существовало.

А что касается суда, то весь этот спектакль был запрограммирован до мельчайших подробностей. В зале, кроме родственников, были приглашенные: преподаватели института, студенты-активисты. Общее же ощущение у меня такое: смешно. Вы понимаете, судилась идея. Но так как во время суда забывали высказывать эту идею, то судилось **ничто**. Мы осуждались за то, что встречались и обсуждали нечто, называемое антисоветским, но что именно, этот аспект как-то все время опускался. Вот почему я и говорю, что судили ничто. И вообще, по правде говоря, мне более запомнилось, как нас с Заславским исключали из комсомола. Это была сцена, достойная великой сатирической кисти.

— Расскажите, пожалуйста.

— Вызывают нас в комитет комсомола РРТИ. Секретарем тогда был Евгений Артамонов. (Впоследствии я с ним встретился на заводе. Он работал главным энергетиком. Наверное, много может вспомнить — с другой стороны). Пришли двое **оттуда**, в таких сереньких пиджаках одинаковых. Сначала высказались они — какие мы нехорошие и какими нехорошими делами занимались. Вопрос из зала — сидело там человек двадцать — что же они такое делали-то? Товарищ в сером встает и отвечает: с этим, мол, сейчас разбирается следствие и говорить об этом никак невозможно. И так — все время! Слова "антисоветская агитация" не были произнесены ни разу. Просто мы занимались "чем-то плохим", о чем говорить решительно нельзя. И вот по таким основаниям состоялось наше исключение из комсомола. Единогласное.

— И вы тут же сдали билеты?

— А как же! А после этого на нашем потоке нам был объявлен бойкот.

— Да?! И в какой же форме он протекал?

— А протекал он так, что с нами никто не должен был общаться, — нигде. То есть, если я садился в читальном зале, вокруг образовывалось пустое пространство. На лекциях, конечно, садились рядом, но разговаривать не имели права.

— И это твердо выдерживалось?

— Со стороны студентов — да. Ведь вылететь из института можно было за любую провинность. А преподаватели — по-разному. Один, помню, побывав на суде, спросил у меня в курилке: "То, что вы там говорите, вам пишут или вы сами?" Ну что тут ответишь на такой вопрос? Суд шел по грубому сценарию. Ответы могли быть только однозначные. Никакой двойкости быть не могло. Вопросы были типа: "Вы тогда-то, на такой-то квартире присутствовали?" — "Да, присутствовал." — "О политике говорили?" — "Да, говорили". Ну и так далее. Тут и писать ничего не надо.

— На суде было объявлено о том, что Заславский пришел "с повинной", а Вы написали "объяснительную"?

— На суде этот вопрос не поднимался.

— То есть вы были равнозначны с другими участниками процесса?

— Да, деления не было никакого. Даже в момент чтения приговора. Когда читают приговор, обычно, как смягчающее обстоятельство, приводят явку с повинной. Этого у нас не было.

— И тем не менее, после каждого судебного заседания четверых увозили в следственный изолятор, а вы шли домой.

— Да.

— Евгений Яковлевич, вы не почувствовали какого-то особого к вам отношения со стороны родственников подсудимых и, может быть, кого-то еще, в том смысле, что вас двоих отделяют от остальных по какому-то неясному и неизвестному для всех принципу?

— Нет. Абсолютно нет.

— Итак, Вас осудили. С формально-юридической стороны началась иная жизнь. Сначала Вас исключали из института, что само по себе мучительный процесс...

— ... Это, кстати, произошло очень быстро. В тот же день. Все уже было готово. Я зашел в канцелярию и мне выдали справку о том, что я исключаюсь из Рязанского радиотехнического института в связи с осуждением по статьям 70, часть первая, и 72 УК РСФСР, плюс выписку с оценками.

— Что же происходило дальше, как Вы жили?

— После исключения, прямо в марте 70-го, мы с Заславским пошли работать электриками на завод автоагрегатной аппаратуры. В то время это такая была дыра! Колеса делали для комбайнов. Потом, думаю, по совершенной случайности, я сумел зацепиться за чувашский университет. Как это случилось, у меня до сих пор в голове не укладывается. Я поступил на 4-й курс университета в Чебоксарах, на отделение промышленной электроники. Перед этим я объехал все близлежащие вузы. Со мной нигде даже не разговаривали. А в Чебоксарах все произошло как по мановению волшебной палочки... Я не думаю, чтобы это было кем-то подготовлено, потому что еще за день до поездки я не знал, что туда поеду. Этого вообще никто не мог знать или просчитать. И вот у меня принимают документы. Я подумал, что почитают повнимательней и откажут, но этого не последовало. И я стал студентом заочного отделения. Два или три года отучился и

закончил. И все это время продолжал работать на заводе. Сначала, как я уже говорил, электриком, потом инженером-конструктором. Затем, в 1974-м, на два года я уехал мыть золото...

— Интересно!

— Да, в Сибири, под Алданом, — слышали про такой? — на золото-извлекательной фабрике работал механиком. Кстати, в первый же день по приезде меня вызвали на беседу в первый отдел. Потом вернулся в Рязань на тот же завод и снова пошел электриком. Почему — вы поймете, если вспомните, сколько в те годы получал инженер-конструктор, да и любой инженер вообще. А мы создали очень крепкую бригаду по наладке оборудования — завод как раз реконструировался, — все с высшим образованием, и работали. Хорошо работали. Зарплата у нас была примерно в два раза выше общезаводской. Так и продолжалось до 1994 года, когда я вышел на пенсию по инвалидности, у меня первая группа.

— Евгений Яковлевич, Вы работали на заводе, а как сложились у Вас отношения с бывшими институтскими товарищами, сокурсниками, вообще, с той средой? Они прервались?

— Нет. Связи остались, и, по меньшей мере, — хорошие. Если мне нужна была какая-то поддержка, я обращался и мне помогали. Обращались и ко мне. Конечно, то, что я работал на заводе, кое-что изменило, все-таки иной мир, иные разговоры, но до сей поры, по возможности, мы встречаемся.

— Расскажите, пожалуйста, о судьбе Семена Заславского.

— У него все было значительно сложнее. Он тоже пытался получить высшее образование, и ему это удалось, но четырьмя годами позже, чем мне. Он поступил, кажется, в заочный, северо-западный, в Ленинграде. Они с отцом обменяли квартиру и уехали туда. Семен — большая умница. Учился только на «великолепно». Всерьез занимался наукой. Например, часть задач в последнем томе «Феймановских лекций по физике» была решена им. А издавал эти книги — МИФИ. Так что уровень, как вы понимаете, — серьезный. Где-то в 1994 году Семен уехал в США.

— Вы переписываетесь?

— Нет. Перед выходом на пенсию я сильно болел, как-то было не до переписки. Да и вообще, я старался переписываться как можно меньше. Дело в том, что до недавнего времени надзор КГБ был постоянным.

— В чем это выражалось?

— Вызывали для профилактических бесед.

— Как вызывали?

— Извините, я неточно выразился. Не вызывали, а приходили ко мне на работу. Здесь же приглашали в отдел кадров и куратор беседовал со мной, так сказать, о жизни... Пробовал опрашивать, что я думаю о разных людях и прочее. Но в этом смысле защита у меня была великолепная: среда — рабочая, разговоры — специфические. А о выпивке и об анекдотах я мог с ним разговаривать сколько угодно.

— И до какого года это продолжалось, то есть когда у вас состоялся последний разговор с гебистом?

— Да где-то, наверное, году в 1988-м. Эта организация, знаете ли, весьма цепкая.

— Евгений Яковлевич, я спрошу Вас напрямую. После суда Вы не почувствовали себя изгоем? Ведь на

Семена и на Вас, говоря их языком, «повесили сдачу» вашей группы.

— Видите ли, напрямую этого мне никто не вешал. Никогда. А кроме того, есть еще два момента. Во-первых, я достаточно цельный человек, и зная то, что я этого не делал, я и ощущал себя соответственно. Грубо говоря, мне было наплевать, как на меня посмотрят. Во-вторых, разговоры вокруг группы больше всего велись людьми, которые никогда не имели ни малейшего к ней отношения. То есть шли обычные сплетни, ничего общего с действительностью не имевшие. Например, однажды в компании при мне один гражданин из радиоинститута рассказывал, как его по делу Вудки «избивали в камере КГБ». Это было смешно. Так что, сами понимаете, реагировать на такой уровень отражения события — это себя не уважать.

— Я согласен с Вами, это действительно смешно. И все-таки общественное мнение есть общественное мнение. Особенно, если КГБ постараётся... А в вашем случае они очень старались. Какие только слухи не гуляли по городу тогда! Можно было даже запутаться, кто вы такие: шпионы? фашисты? сионисты?

— Вы знаете, первый год мы, конечно, от всех отдалились. Дело в том, что контакты с нами могли принести людям неприятности. Наверное, это время послужило неким буфером. А потом как-то все утихло, выровнялось...

— А Семен как — он переживал?

— Мне кажется, — мало. Ведь он тоже был уверен в собственной правоте и невиновности. И тут есть еще одно обстоятельство, которое весьма поддерживало его и меня, но о котором я не хочу говорить конкретно, потому что оно касается третьих лиц. Коротко: люди, которые знали о деле значительно больше и стояли к нему ближе, чем кто бы то ни было, — они поддерживали нас.

— Это, конечно, неоценимо, если есть значимый круг, который тебя поддерживает... А на заводе знали, что с вами произошло?

— Я никогда свою биографию не афишировал. Естественно, слухи дошли. Но на заводе человек настолько на виду, просто как стеклышко! Поэтому любая сплетня со стороны засыхает, если не имеет почвы.

Евгений Яковлевич Мартимонов с женой Людмилой Михайловной и дочкой Яной. 1978 год. Рязань.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. МАРТИМОНОВА

— Евгений Яковлевич, сейчас я и вся наша редакция, все мы хотим посоветоваться с Вами. В "Карте" № 13-14, в материале "Время собирать камни" о группе саратовских подпольщиков, в той части, которая касается рязанской группы (стр. 28), мы сделали примечание следующего содержания:

"По информации, которой в настоящее время располагает редакция, явка с повинной Мартимонова и Заславского является провокацией КГБ. На самом деле эти люди доносчиками не были".

Нашими усилиями установлено, что очень близко к группе находился человек, сотрудничавший в то время с КГБ. Мы знаем его фамилию и некоторые сопутствующие подробности. И вот мы находимся в затруднении... С одной стороны понятно, что рано или поздно История все расставит по своим местам. С этой точки зрения нам кажется, что лучше это сделать раньше, ибо правда должна уменьшить страдания невиновных уже сейчас, а не после их посмертной реабилитации. С другой же стороны, — необратимо изменится жизнь других людей, помимо их воли, насильно. А насилие, как известно, при всех благих намерениях, его творящих, есть зло. Стоит ли творить зло... Короче говоря, мы испытываем сомнения. Что думаете по этому поводу Вы, непосредственный участник событий?

— В первую очередь, меня интересует причина — зачем он это сделал? Если он хотел на этом заработать... а впрочем, я сомневаюсь, тогда за такие услуги вряд ли платили...

— ...Извините, перебью, Вы ошибаетесь, Евгений Яковлевич, известны случаи и платной работы.

— Если же его самого на чем-то поймали...

— Да, именно это.

— Ну, значит, человек оказался слабым. Поверьте мне, я столкнулся с этой машиной и знаю, что она давила **любого**. Там такая машина... И, тем более, не ограниченная ни средствами, ни чем-либо другим...

— А как все-таки быть с главным вопросом: обнародовать ли его имя? То есть сказать ли правду?

— Если он сейчас здравствует и существует — то ни под каким видом!

— Почему?

— Зачем портить человеку жизнь за ошибку 30-летней давности? Притом, и ошибкой-то его деяние называть трудно. В то время ведь была такая идеологическая установка, что это является патриотической обязанностью человека.

— Но от этого подлость не перестает быть подлостью в человеческом измерении...

— ...Опять же, мы не должны забывать, что наверняка есть дети и родственники, против которых это повернется. Понятия о сдержанности у нас ведь не существует. Уж если что-то происходит, человека стараются затоптать до предела...

Я считаю — ни под каким видом. Это меня касается напрямую, и я только за то, чтобы человек мог жить спокойно.

— Евгений Яковлевич, позвольте тогда задать вопрос по-другому: а как жить невинно оболганным?

— Вы знаете, давайте смотреть на это так. Если это уже произошло, поросло быльем, пускай так и остается.

Поднимать бучу... — боюсь, это принесет еще больше страдания всем. Я ведь через это прошел, когда моей дочери рассказали, что я "сдал" эту группу. Было такое...

— В школе?

— Что?.. Да нет, это случилось не так давно. Дочери было 18 лет. Прошла какая-то публикация в местной прессе... Фамилия у меня приметная, чуть ли не единственная в городе, дошло и до нее. Это было очень неприятно и тяжело...

— Но Вы смогли ей объяснить?

— Я, в общем-то, даже не стал ничего объяснять специально. Дочь мне верит. И она знает, что я ей лгать не буду.

... Да, это был очень неприятный и тяжелый момент и для нее, и для меня, и поднимать еще раз эту бучу...

— То есть, Вы, лично, прощаете, да?

— ...Человек, зачастую, бывает слаб. Если у него внутри нет стержня, заставить его идти через себя — это невозможно.

— Заставить — невозможно, согласен. Но мне кажется, что из подлости есть только один выход, если человек попал туда только из-за собственной слабости. Это — покаяние. То есть публичное признание своих деяний. Это — единственный способ получить очищение. И знаете, в истории Рязани нам известны три случая, когда осведомители КГБ совершили такой поступок и тем очистились...

— ...Извините, но этим людям я не поверю ни на грош. Я им на грош не поверю.

— Почему?

— Я гарантирую вам, что это — игра. Я не знаю этих людей, но я думаю, исходя из своего опыта, что это — игра, которая для них была выгодна. Или они почувствовали, что об их "подвигах" узнают помимо них, или это публичное признание нужно было для того, чтобы привлечь к себе внимание с какой-то — не могу судить, какой, не зная их, — целью. Даю 99 из 100, что это так.

— Ну что ж, это Ваша точка зрения. Я с ней не могу согласиться.

А сейчас я хочу высказать следующее соображение. Давайте вернемся к Вашей дочери. Моральное страдание, которое она перенесла, имеет корнем предательство и подлость того человека. Так вот, во имя Вашей дочери, и ее дочери, и последующих дочерей и сыновей, может быть, имеет смысл сказать правду, чтобы возможное их моральное страдание не возродилось никогда! Чтобы цепочка зла не потянулась в будущее, раз ее не прервал сам виновник. Ведь если бы он публично покаялся и общество приняло бы его покаяние, к нему не было никаких вопросов, никаких претензий! Сейчас же Вы, лично, его простили, а для меня, лично, он является потенциальным злом. Вдруг он продолжает доносить на кого-то? КГБ организация цепкая, Вы сами говорили...

— А вы твердо уверены в том, что точно узнали всю правду? Мне кажется, что публичное покаяние сведется не к прощению человека, а к злостным сплетням вокруг него и его близких. Я могу вам сказать только одно. Осведомителей были тысячи, десятки тысяч, может быть, миллионы. Ведь до того доходило, что в каждой рабочей бригаде был осведомитель. Он один из этих тысяч. Да, он принес реальное зло той группе людей, в которую входил и я... И все же... Все же, я бы его простили...

— ...Спасибо за честность, Евгений Яковлевич. Рязань — она никогда от этого отказывалась. Чем дальше мы отстоим от этой беды, тем лучше. Я думаю в — земле земляне...